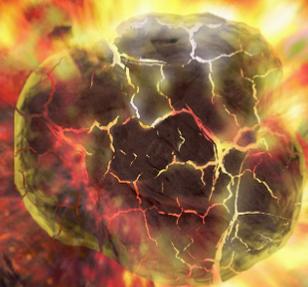

ВЛАДИСЛАВ АВДЕЕВ

ЖАМЕНЬ ЗАКЛЯТИЯ

Владислав Авдеев

Камень заклятия

«Бичик»

2011

Авдеев В. И.

Камень заклятия / В. И. Авдеев — «Бичик», 2011

ISBN 978-5-7696-3545-8

В остросюжетном детективе разворачиваются события лихих 90-х. В кровавую охоту за таинственным всемогущим камнем заклятия вовлечены не только враждующие группировки с их покровителями, но и невольно втянуты ничего не подозревающие жители маленькой деревни. Главный герой, бывший снайпер и бывший журналист, постоянно перед выбором — между добром и злом. Несмотря на кажущуюся легкость жанра, автор затрагивает серьезные темы — роль печатного слова в современном обществе, проблему заброшенных деревень, вероисповедание и т. д.

ISBN 978-5-7696-3545-8

© Авдеев В. И., 2011
© Бичик, 2011

Авдеев, Владислав Иванович

Камень заклятия

Просыпаться не хотелось. По двум причинам. Я старался досмотреть, удержать сон: солдат, красноармеец (как обычно бывает во сне, я точно знал, что это красноармеец, хотя никаких внешних знаков – красной звезды, красного банта – у него не было) в выцветшей добела фуражке, в такой же выцветшей гимнастерке без ремня что-то пытался мне сказать. Но то ли я смотрел чужой сон, то ли его «передатчик» работал не на моей волне, но я лишь видел, как красноармеец разевает рот. Вторая причина не просыпаться была более веской, возвращение в реальную жизнь с ее заботами, тревогами, проблемами не обещало мне ничего хорошего. О, как я понимал в эти минуты наркоманов, ведь наркотики – это тот же сон, попытка обмануть жизнь...

Красноармеец между тем, все так же беззвучно открывая рот, растаял, исчез в своем ирреальном мире, как я ни зажмуривал крепко-накрепко глаза. Но я еще некоторое время полежал с закрытыми глазами, надеясь на его возвращение, но, видимо, их спутник связи был вне досягаемости...

Надо вставать. Хотя торопиться совершенно некуда. Вчера я потерял работу, к тому же вполне могу загреметь за решетку, и вдобавок к этому от меня ушла жена... гражданская. Какой только идиот придумал такое понятие, словосочетание? Прилагательное «гражданская» начисто убивает истинный смысл слова «жена». Жена – это жена, со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями. А если сошлись, чтобы просто любить друг друга, то их проще назвать любовниками... Боже, о чем я?

Надо вставать. Прощай, красноармеец, до следующей связи. Хотя, возможно, у него была всего одна попытка, чтоб докричаться и сказать нечто важное для меня или для него...

Я открыл глаза, оглядел потолок, стены. Если внимательно вглядываться в рисунки на обоях, то обязательно померещится черт-те что, на этот раз на меня выпялилось нечто безносое, бородатое, с одним глазом и большим ртом. С минуту мы молча глядели друг на друга, словно соревновались, кто кого переглядит. Я отвел глаза первый. А когда снова решил скрестить взгляды, этого урода уже не было, скрылся в хитросплетениях рисунка, зато кто-то бесстыдно выпятил голый зад, будто сообщал: фортуна, брат, повернулась к тебе этим самым местом. Я не стал спорить, прошел в ванную, включил душ и встал под ледяные струи... Мои крики, наверное, были слышны во дворе...

После душа докрасна обтерся полотенцем и напялил махровый халат, который так же, как полотенце и новую зубную щетку, заботливо подготовила Ольга. Мы с ней сексуальные партнеры – еще один вид отношений между мужчиной и женщиной. Познакомились мы с ней три года назад, я тогда только что вернулся из Чечни, подружку еще не заимел, и меня просто распирало от желания – в прямом и переносном смысле. И на дне рождения жены моего друга Кости Плюснина я просто обалдел от присутствия стольких красоток. Костя, как и все женатики, понял, во что он влип, и теперь старался и меня побыстрей лишить свободы. И посадил рядом со мной хрупкое, нежное, застенчивое, блондинистое создание с полными губами и раскосыми карими глазами, глаза выдавали, что блондинистость искусственная. На вопрос «Как зовут?» создание прошептало: «Нина». Я тут же ввернул что-то насчет лермонтовской Нины и, словно невзначай, положил ей руку на колено, слегка пожав. Нежное создание замерло, одеревенело и онемело, чем стало привлекать внимание собравшихся. Но я упорно держался за колено, потому как считал девушку уже своей, Костя обещал меня поженить, и я думал, Нина в курсе. Убрал я руку лишь когда об этом попросил Костя. После чего ожившая Нина вышла из-за стола, о чем-то переговорила с именинницей и пересела на другое место, поменявшись с дамой лет тридцати с узкой талией и просто изумительной попкой. Легкое платьице – август

в тот год выдался жарким – даже не пыталось скрыть, а наоборот, подчеркивало, выставляя напоказ ее стройное тело, будь она совершенно раздетой и то не так бы привлекала внимание. Дама, чуть толкнув меня бедром, устроилась рядом и спросила:

– Что же вы смущаете невинных девушек?

– Пусть не садится рядом, – ляпнул я первое, что попросилось на язык. Дама была без бюстгальтера, и комочки ее грудей проглядывали сквозь тонкую ткань, а соски, те вообще просились наружу. Принимая во внимание мое более чем годовое воздержание, понятно, что вразумительного ответа в такой ситуации я дать не мог.

Дама, чуть отклонившись, с удивлением глянула на меня:

– Да вы опасный человек. Слuchaем, не маньяк?

– Он самый.

– И кто ваша следующая жертва?

– Вы, – я по-прежнему не отводил взгляда от ее комочеков.

– О, какая честь. Позвольте узнать имя своего насильника.

Она, кажется, совсем не обращала внимания на мои взгляды – весьма нескромные.

– Андрей.

– А имя жертвы вас интересует? Ольга. Может, выпьем за знакомство?

Я спросил, что она пьет, и налил в бокал вина, себе плеснул водки. Выпили и она предложила попробовать салат из кальмаров:

– Лично готовила. Я подруга именинницы. Салат можете не хвалить, я и так знаю, что он вкусный. Выходит, я спасла эту милую девчушку? – вернулась она к прежнему разговору.

– Но неизвестно, кому повезло.

– Даже так?.. – Она оглядела меня веселым бесшабашным взглядом и прошептала: – Я хотела бы заняться с тобой сексом.

Минуту мой разум осмысливал услышанное, хотя плоть уже ликовала. Мы выпили с Ольгой за здоровье именинницы и покинули торжество. А нежное, застенчивое создание, проводившее нас удивленным взглядом, потом стало моей гражданской женой (ох, как не нравится мне это словосочетание).

В такси мы не проронили ни слова и даже не притронулись друг к другу, и без этого я был возбужден до предела и молил только об одном, чтоб в ее квартире никого не было. Я не знал, что Ольга жила одна.

В квартире мы тоже не кинулись в объятия друг друга, а просто молча, быстро начали раздеваться и, хотя на ней были лишь легкое платье и трусики, обнажились мы одновременно, возможно, на секунду-другую я все же опередил ее...

Мы не покидали кровати два дня с небольшим, с вечера пятницы до утра в понедельник. В минуты отдыха Ольга быстро готовила что-нибудь вкусненькое, надев на голое тело лишь передник и предоставляя мне любоваться ее попкой. Затем мы, сидя на кровати, все с аппетитом съедали, запивая вином, и снова предавались страсти. Такого сексуального марафона я больше ни с кем не преодолевал. А Ольгой я был покорен и даже начал подумывать, почему бы мне не жениться на ней – идеальная фигурка, страстная в постели, отлично готовит, умна...

В понедельник утром я созрел окончательно, чтобы предложить Ольге руку и сердце, и пока проигрывал в уме, когда и как я это сделаю, эта жгучая брюнетка с гордой испанской красотой, попивая кофе маленькими глотками и положив прекрасные ножки одна на другую (я не мог отвести от них глаз), заявила... Нет, слово «заявила» тут не подходит, заявляя что-то, обычно выказывают некоторые эмоции, здесь было совершенно другое – холодный, бесстрастный голос, не оставляющий для оппонента даже малейшей попытки что-то оспаривать:

– Ну вот и все. На этом наши отношения прерываем, ты не знаешь меня, я – тебя. С тобой было хорошо, как ни с кем, но так надо.

– Ты замужем? – после некоторого замешательства, растерянности высказал я догадку.

– Нет. Надеюсь, ты не будешь искать со мной встречи? Все будет так, как я прошу? – она провела ладонью по моей щеке.

– Постараюсь. Но все же, может, скажешь причину?

– Много будешь знать, скоро состаришься. И не обижайся на меня.

– За что? Я тебе благодарен за эти дни и никогда их не забуду, – сказанные слова были правдой, но как трудно они мне дались. Хотелось схватить Ольгу, сорвать одежду, вернуть ту, прежнюю... Но я продолжал сидеть, стараясь держаться как можно невозмутимее.

Мы допили кофе и расстались.

Слово я сдержал, хотя несколько раз с удивлением обнаруживал себя возле ее дома. Возникало иногда желание последить за ней, выяснить, в самом ли деле она живет одна. В каждой молодой женщине я искал хоть малейшее сходство с Ольгой и был рад, если находил. Ольга снилась мне каждую ночь, такие сны-близнецы – она на кровати, бесстыдно раскинув ноги. Приходилось среди ночи мастурбировать или лезть под душ, чтобы остудить распаленное тело и воображение.

Прошел август, я устроился на работу и вместе с Костей занимался в секции рукопашного боя. И понемногу начал успокаиваться, вокруг было столько красивых девчонок, да и Ольга перестала являться во сне. Вскоре познакомился с молодой особой из тех, что думают не о замужестве, а о том, как бы повеселей провести время. Меня это устраивало, и мы начали встречаться...

А в начале октября, как раз в тот день, когда выпал первый снег и все гадали, растает он или нет, позвонила Ольга. Я сразу узнал ее голос, и от волнения меня бросило в жар, но на вопрос, не желаю ли я с ней поужинать, сказал как можно равнодушнее:

– А по какому поводу?

– Разве обязателен повод, чтобы поужинать с женщиной? – она говорила шутливым тоном, словно мы не прерывали навсегда наши отношения. – Но если он нужен, пожалуйста. Два месяца со дня нашего знакомства. Устраивает?

– Вполне. Где встречаемся?

– У меня дома, если можно, в семь.

Надо ли говорить, что без пяти семь я входил в подъезд ее дома с букетом белых хризантем. Хотя были кое-какие мыслишки, вот, мол, прогнала меня, а теперь, видите ли, понадобился, звонит как ни в чем не бывало, не считаясь с моим самолюбием, попирая мою гордость. Вот возьму и не пойду. Пусть ждет. Но все эти мыслишки были несерьезны. Как только Ольга позвонила, я уже точно знал – я к ней пойду.

С замиранием сердца нажал на звонок, а буквально через минуту мы уже были в постели...

После душа мы снова расположились на кровати, хотя нас ждал накрытый стол. Мы словно нырнули в омут, из которого выбрались только утром.

Она так и не сказала, почему, нарушив свое же требование, позвонила мне, а я не спрашивал – боялся порвать ниточку, что, как мне казалось, завязывалась между нами.

За завтраком она как бы между прочим спросила, может ли она иногда приглашать меня на ужин, и снова я не поинтересовался – а почему бы мне самому иногда не приходить к ней.

И наши странные отношения продолжались. Обычно Ольга звонила через месяц-другой, но, бывало, и через полмесяца. Я стал как бы мужчиной по вызову, но это совсем не задевало мое самолюбие, хотя в других случаях я очень щепетилен, когда чувствую, что затронуты мое достоинство, гордость. Было бы хуже, если бы Ольга совсем прервала со мной связь. Ее устраивала такая жизнь, и я должен был с этим считаться. И старался не думать о том, что она поделяется, когда не зовет меня.

Задерживался я у нее на сутки-трое, не больше и уходил всегда сам, без напоминания. Налюбившись, мы вели в кровати долгие беседы. Ее удивило, что я окончил филологическое отделение.

– Я думала, ты там, где опасности – милиция, спецназ, ты весь такой… железный, – Ольга шутливо схватила меня за одно место. – Довольно странный выбор для такого мужчины, как ты. Думаешь о писательстве?

– Все гораздо проще, с детства любил читать, любимое занятие – завалиться с хорошей книжкой на диван, вот и решил совместить хобби и профессию, – я понимал, ответ получился не совсем удачным, но очень трудно выразить словами, почему мы принимаем то или иное решение в своей жизни.

– Я тоже чтение предпочитаю другому виду отдыха, но пошла на экономический. Я, между прочим, даже помню свою первую книжку. Угадай, какую?

– Сказки Пушкина?

– Нет. Первой книгой, которую я самостоятельно прочитала, были стихи Агнии Барто.

– А я, не умея читать, наизусть выучил стихотворение про человека рассеянного с улицы…

– Бассейновой. Мне оно тоже нравилось.

После этого в перерывах между сексом мы только и делали, что говорили о литературе.

И лишь в годовщину со дня нашей первой встречи, которую мы тоже провели в постели, Ольга наконец-то сказала о причине наших нестандартных отношений. Причина оказалась до банальности проста – Ольга боялась ко мне привыкнуть, прикипеть сердцем, чтобы после не страдать в случае разрыва:

– Хватит с меня, два раза была замужем. Первый раз влюбилась, как дура, а он оказался бабником, но какой подлец был красивый, а фигура – атлет. Он был моим первым мужчиной, и я так страдала, когда узнала об изменах, – устраивала такие сцены ревности. Потом переспала с другим женщиной, смогла сравнить, и, оказалось, муж был просто ничтожеством, его хватало обычно минуты на полторы, не успеешь хорошенъко улечься, а он уже закончил. Ему бы с такими возможностями сидеть дома да думать, как ублажить жену, а он бегал по другим бабам.

– Видимо, был философом, надеялся, что когда-нибудь количество перейдет в качество, – сказал я, чтобы поддержать разговор.

– Второй был школьным другом, умница, два высших образования, прожили месяц, и он ушел в запой. Скрыл, что алкоголик. Мне было жаль с ним расставаться, я терпела год, потом выгнала. Первое время приходил, просил… нет, не разрешения оставаться, денег на водку. После этого я сказала – хватит, супружеская жизнь не для меня, а для секса я всегда найду партнера. Я разучилась верить и не хочу больше обманываться. И меня вполне устраивает нынешнее положение вещей. Я хочу быть свободной женщиной.

После ее откровения она, возможно, ждала каких-то слов от меня, но я уже втянулся в роль мужчины по вызову, да и ее последние слова отбивали всякую охоту что-либо говорить. И я промолчал, хотя сказать хотелось многое.

И по-прежнему бежал к ней по первому звонку, даже когда уже имел подружку. Все прекратилось, стоило мне сойтись с нежным, застенчивым созданием – Ниной. И я на очередное предложение Ольги поужинать, пересилив себя, буркнул, что почти женат и прийти не могу.

Ольга молча положила трубку.

И все прошедшее время – около года – мы не виделись. Пока она не появилась в нужный момент и не спасла от ареста, вернее, отсрочила его. Рано или поздно меня арестуют, но зато появилась возможность подумать: есть ли шанс выпутаться из этой ситуации. Чем я сейчас и занимаюсь, сидя на кухне и поедая приготовленный для меня завтрак: глазунья с ветчиной и кофе. В холодильнике ждут своей очереди две бутылки пива. О том, что остался без работы, не жалею, ее я менял уже несколько раз. Сначала поработал охранником в магазине, потом

Костин отец, в прошлом заведующий отделом в обкоме, устроил меня в одну из газет, что так расплодились в городе в последнее время. Интересы ее вертелись вокруг жизни известных людей города и области – что едят, куда ездят отдохать, как одеваются, с кем в данное время трахаются. Обязательно криминал, чуть-чуть о политической жизни города – особенно связанные с этим скандалы, немного о спорте. Трудовые коллективы, их деятельность оставались вне поля зрения, кроме ЖКХ – с осени до весны в каждом номере. У главного редактора, кроме возраста, не было ничего значительного, может, поэтому он каждый день напоминал нам о нем:

– Мне шестьдесят лет, и я знаю, что говорю. У нас наконец-то нет коммунистической цензуры, так что смелее пользуйтесь демократической свободой в своей работе. Смелее!

Что главный под этим подразумевал, оставалось загадкой, так как критические материалы он не пропускал, и газета была похожа на несоленый суп, к тому же без мяса. И через полгода, не желая работать под началом такого «повара», я перешел в другую газету, посолиднее, к тому же редактор был намного моложе. Но, увы, и здесь царил тот же порядок – этих не критиковать, этих не хвалить и так далее. Единственное отличие было в том, что в этой газете разрешалось «кусать» тех, кого в прежней велено было хвалить. Я продержался год и четыре месяца, окончательно понял, журналистика в таком виде не для меня, и устроился охранником в ресторан. Но и там царили такие же порядки, что и в газетах. Выходило, вся страна играла в одну и ту же игру. Кажется, что может быть проще, следи за порядком, нарушителей выводи, пьяных не пускай. Так оно, пожалуй, и было раньше. Но теперь – этих не трогай (местный пахан с братвой), этих тоже (прокурорские паханы) и этих нельзя (паханы из правительства и областной думы). Директор ресторана долго втолковывал мне эти правила, потом их продублировал начальник охраны – не питейное заведение, а дипкорпус. Но так даже было лучше, меньше забот, меньше приключений на свою ж..., ввязываться в драки мне совсем не хотелось. Хотя без них не обходился ни один вечер. Платили в ресторане нормально, к тому же было на что посмотреть, это было место, где бомонд, бандиты и политики старались показать себя. А я после разговора с Ольгой подумывал о писательстве и рассматривал посетителей как поставщиков сюжетов, попадались презанятные морды.

Но вчера перед закрытием подъехал джип, и шофер повел в ресторан крепко поддатого пассажира. Я остановил их в дверях и вежливо объяснил – пьяных ресторан не обслуживает. Поддатый тут же обложил меня отборным матом и ударил в лицо, я отвел удар и правой двинул ему по скуле, он завалился вместе с шофером. И шофер начал истерически кричать: «Ты знаешь, кого ударил?! Это сам Х-в, он тебя живьем в землю зароет...» И тут же вызвал милицию. Прибежал директор, чуть не поцеловал Х-ва в задницу и объявил мне, что я уволен. А милиция уже мчалась на всех парах – слышно было, как надрывается сирена. И тут знакомый голос:

– Андрей! Андрей!..

Оглянулся, у машины стоит Ольга и машет, давай, мол, сюда. И привезла к себе. То, что сразу не взяли, хорошо – здоровье мне Ольга точно сохранила. В милиции по горячке устроили бы мне бойню, Костя порассказал, как это делается. Костя! Вот кто может что-то посоветовать. Я набрал номер его мобильника. Услышав мой голос, Костя завопил:

– Ты хоть знаешь, кого ударил? Тебя вся милиция ищет, Х-в обид не прощает. Если хочешь сдаться, приходи в милицию вместе с адвокатом, желательно известным, и предварительно пройди медицинское освидетельствование, о чем адвокат пусть заявит в милиции, а то там из тебя отбивную сделают. Но мой совет – уезжай. Если решишь уехать – позвони, я тебя из города вывезу. Могу и деньги подбросить. Пока, – Костя прервал связь.

Я достал бутылку «Баварии» и включил телевизор, смотрю я только мультики, исключительно наши, и новости, остальную блевотину не выношу. Включил удачно, как раз к началу фильма «Бобик в гостях у Барбоса», посмотрел с удовольствием. А Костя прав, надо или сдаваться или подаваться в бега, и лучше всего на Кавказ. Х-в очень большая шишка, даже если не изуродуют, то посадят обязательно.

Подумал и, как обычно делала Скарлетт, решение этой задачи перенес на завтра. На душе сразу стало легче, и я принялся за вторую бутылку.

Позвонила Ольга, спросила, чем я занимаюсь, сказала, что поесть на обед, и пообещала купить вина. Думаю, она позвонила, чтобы проверить, не ушел ли я. Вчера, отъехав от ресторана, она поинтересовалась, куда меня отвезти. Домой возвращаться было нежелательно, могла нагрянуть милиция, и я спросил, не может ли она прямо сейчас пригласить меня на ужин. Нельзя сказать, что Ольга тут же согласилась, некоторое время мы ехали молча, потом она холодно произнесла:

– Боюсь, нечем будет угощать, – это не было похоже на отказ, но не походило и на приглашение.

– Кофе хотя бы найдется? – я как бы уточнял, что имел в виду, напрашиваясь в гости.

– Кофе есть.

– Вот и отлично.

Мы остановились возле ее дома.

В квартире она повела себя не так, как в прежние времена, – была дружелюбна, но не более. Я прошелся по комнатам, вдыхая запах ее любимых духов, и воспоминания о наших встречах нахлынули на меня, и охватило такое сильное желание обладать Ольгой, хотелось сорвать с нее одежду, бросить на кровать… но я сдержался. Ведь именно я год назад ответил отказом на ее приглашение. И что же, теперь как ни в чем не бывало пытаться залезть к ней в кровать?

– Так тебе кофе или, может, налить вина? – Ольга не смотрела мне в глаза.

– Знаешь, я, пожалуй, пойду, – я и в самом деле понял, мне здесь не место.

– Может, сначала все же выпьешь кофе?

– Не могу. Я так сильно хочу тебя, что мне лучше уйти, – пересохшими от волнения и желания губами произнес я и шагнул к двери…

Ольга загородила дорогу, мы обнялись и начали бешено целоваться, помогая друг другу снимать одежду и двигаясь к кровати…

Я достал из холодильника курицу – приготовлю ее на ужин, нашел на книжной полке «Улисс» Джойса в суперобложке, издательство «Республика», год выпуска 1993, дома у меня точно такой же, и завалился с ним на диван. Я начинаю читать этот роман, наверное, раз шестой-седьмой, дохожу обычно до двадцать первой страницы, где написано, что «рыжие бабы блудливы, как козы», и сразу начинаю думать, блудливость наследственная или приходит с окрасом волос, вспоминаю знакомых женщин с рыжими волосами, таких, как ни странно, оказывается с десяток. Некоторые подходят под определение автора романа, но точно сказать, блудливость наследственная или нет, – невозможно. Для этого надо выяснить, у кого волосы окрашены, а у кого нет. После этого мысли принимают другой оборот, другое направление, что для женщин окраска волос, макияж и прочие женские хитрости как для солдата камуфляж, с одной лишь разницей – солдат хочет, чтобы его не заметил противник, женщина, наоборот, старается привлечь внимание… В конце концов я откладывала книгу и возвращаюсь к ней через месяц, а то и через полгода. Однажды дочитал до сорок пятой страницы, где Леопольд Блум с удовольствием ел «бараны почки на углях, которые оставляли во рту тонкий привкус с отдаленным ароматом мочи». И сразу вспомнил, как Петька Соловьев ел ложками аджуку – перекрученные помидоры с чесноком и перцем. Ядерная штука. А когда жили в деревне, сосед Махонин делал себе тюрю, крошил хлеб в водку и ел как суп. Вкусовые пристрастия людей вновь уводили меня от чтения, и я откладывал книгу. Я понимал, что это шедевр, кстати, на титульном листе так и написано: «Шедевры», и даже стыдно, что до сих пор не прочитал, а вот не получается.

В этот раз я даже не дошел до «блудливых баб», зазвонил телефон. Оказалось, не Ольга. Мужской голос вежливо произнес:

– Здравствуйте, Андрей Анатольевич! Извините, что побеспокоил, не мешало бы нам встретиться. Не могли бы прямо сейчас подойти, скажем, к фонтану? Вам недалеко, да и мне рядомшком.

– А вы, собственно, кто? – спросил я, недоумевая. О том, что я с Ольгой прежде встречался, знал только Костя.

– Это неважно. Я просто хочу вам помочь выпутаться из ситуации, в которую вы так глупо попали. А бежать не советую – это бессмысленно.

Ясно было одно, меня нашли, и сидеть и ждать, когда начнут выламывать дверь, не имело смысла. И я согласился на встречу. На вопрос, как я его узнаю, мужчина произнес:

– Достаточно, что мы вас узнаем.

Я не спеша поставил «Улисс» на полку, возможно, я так и не узнаю, чем закончится прогулка Блума по городу, у меня начинается собственная одиссея. Я облачился в то, в чем приехал к Ольге, черные брюки, белая рубашка, черные туфли, и вышел из квартиры.

Думал, арестуют во дворе, но этого не произошло, и я благополучно добрался до площади, ребятня каталась на роликах, две девчушки брызгались струями фонтана, на скамейках мурлыкали пары. Того, кто мне звонил, здесь явно не было. Я сел на свободную скамью, закинул ногу на ногу и раскинул руки на спинку. Ждать пришлось недолго, ко мне подошел, похлопывая свернутой в трубочку газетой по ноге, мужчина лет сорока, со стрижкой бобриком. Ничем особо он не выделялся, так, человек из толпы, лоб, нос, уши – обыкновенные, ни усов, ни бороды, светло-серая футболка без рисунков и надписей (я тоже ношу такие, не хочу быть чьей-то рекламой), вельветовые темно-синие брюки. И все же в этом самом обыкновенном человеке что-то поразило меня. Чуть позже я понял – глаза. Холодные, пронизывающие.

Он присел рядом и задал неожиданный вопрос:

– Вы родом из Жердяевки и фамилия ваша Балаев?

После некоторого замешательства, я ожидал совсем другие вопросы, утвердительно кивнул:

– Из Жердяевки. Только деревни этой больше нет.

– Я в курсе. И каково это жить, зная, что малой родины, места, где родился, не существует? Я как выяснил, что Жердяевка исчезла, так почему-то сразу об этом подумал.

– Лично у меня никаких комплексов по этому поводу нет, Жердяевка осталась здесь, – я прикоснулся к груди в области сердца. – Я помню каждый дом, улицы, жителей. Обидно другое, я ничего не смогу показать детям, если они, конечно, будут. Разве только лес, речку да место, где стоял наш дом.

– То, что помните каждый дом, хорошо. Тогда вас, может, заинтересует это, – мужчина развернул газету, внутри оказался листок с машинописным текстом, всего несколько строк, который он протянул мне вместе с газетой. – Прочтите.

«Сегодня я покидаю эту богом забытую Жердяевку, – с удивлением прочел я первую строку, – не знаю, почему, но именно ее я выбрал для захоронения, сохранения экспроприированного золота. Балаевы, хозяева дома, арестованы и заперты в амбаре. Балаевым я жизнь сохраню, они станут невольными сторожами сундука с золотом, который я закопал у них в подполе. Кроме того, красноармейцу Сизову, что помогал вырыть яму для сундука, я приказал охранять золото и закопал его рядом с сундуком. И произнес заклятие, которому меня научил знакомый шаман, он как-то сам подошел ко мне в одном из наслегов и сказал, что видит во мне сильного шамана. Может быть. Пусть это поможет сохранить золото».

Я свернул газету с листком в трубочку и подал мужчине:

– Вы думаете, что клад в доме, где я жил? Но Балаевых было полдеревни. Так, – я начал считать, загибая пальцы, – пять семей, пять домов.

– Мы в курсе. Будь одна семья, не было бы и проблемы. И мы не говорили бы с вами сейчас, скорей всего, вы лежали бы в больнице с отбитыми внутренностями. Но вам повезло.

Я здесь, чтобы сделать вам предложение. Вы поможете нам добыть сундук, причем действовать будете один. И как только сундук попадет к нам, вы свободны, избегнете уголовной ответственности, а вашей подружке Ольге не будет угрожать опасность...

– Но это уже слишком! – возмутился я, мне хотелось, не вставая, двинуть ему ногой в зубы. – Она-то причем?

– Больше того, ее экономические знания могут быть востребованы на более высоком уровне. К тому же, – бесстрастным голосом продолжал он, – после того, что вы сейчас узнали, у вас просто нет заднего хода. Только вперед.

– А почему вы сами не хотите выкопать сундук, я бы был проводником?

– Большая скученность людей может привести к противостоянию, а нам бы этого не хотелось. Дело в том, что у нас всего лишь копия.

– Кто же обладатель оригинала?

– Одна известная своей численностью и жестокостью ОПГ. Слышали о Кукареве?

– Кто о нем не слышал? Человек, которого боится прокуратура и милиция. И вы посылаете меня против его людей?

– И один в поле – в данном случае в тайге – воин.

– А вдруг я половину утаю?

– Исключено. Полупанов, автор этих записей, подробно перечислил содержимое сундука. Буквально все. Но к делу. Кукарев уже начал поиски проводника, естественно, им будет кто-то из ваших земляков.

– Они могут прийти ко мне.

– Нет. Мы им укажем других людей. Да, мы. Пусть они побыстрей найдут сундук. Задержка этого дела связывает руки и мешает видеть ясную перспективу.

– А почему вы уверены, что сундук еще там? Ведь, кроме Сизова, у Полупанова, наверное, были и другие попутчики. Могли заметить исчезновение сундука, вернуться. Это раз. Второе – записи, прежде чем попасть к Кукареву, могли побывать в других руках.

– Я вижу, вы заинтересовались – это хорошо. Интерес движет человечество вперед. В записках Полупанов сообщает, что со временем избавился от всех спутников – отправил их на тот свет. Их фамилии вам ни к чему. А найдены были записки в Иркутске при разборке старого дома, в тайнике, и отданы Кукареву взамен долга. Должник скрывался в Иркутске от Кукарева, как попал на разборку дома, не знаю. Может, получил пятнадцать суток. Записи, как он утверждает, кроме него, никто не видел.

– И моя задача их всех чик-чик? – выставил я указательный палец.

– Ваша задача – отбить у кукаревцев сундук. Перевозкой мы займемся сами. Больше мы ничего не требуем. Но от уголовной ответственности вас спасло то, что вы снайпер. Вот и делайте выводы. Могу дать совет: чтобы деморализовать противника, сначала убирают главаря.

– Понял. А вот ваша обмоловка, что Полупанов перечислил буквально все, говорит – в сундуке что-то есть и помимо золота? Я прав?

Мужчина хмыкнул, внимательно оглядел меня, словно увидел впервые:

– А с вами ухо надо держать востро. Найдете сундук – увидите. Я думаю, более десяти дней вы в Жердяевке не пробудете. Время у вас еще есть, успеете собраться. На работе возьмите отгул или отпуск. Оружие получите позднее. Убивать приходилось?

– Было дело.

– И какое ощущение?

– Что на земле одним мерзавцем стало меньше.

– Мне кажется, что убивать людей из снайперской винтовки с далекого расстояния легко, я имею в виду не попадание в цель, а психологическую готовность человека, настройку. Ударить ножом, топором, дубиной по голове, чтоб разлетелся череп, дано не каждому – глаза жертвы, кровь, стоны все же влияют на психику. А что у снайпера? Легкий нажим на курок, в

прицел видно лишь как пуля входит в жертву, ни криков, ни стонов. Отвели глаза от прицела – и сразу другая обстановка. Убитый где-то там, за пределами видимости. Вы выбрали хорошую военную профессию, с ней не пропадете и в мирное время. Потому как понятие «мирная жизнь» в наше время расшифровывается как невидимая война… Ладно, более подробно о задании поговорим в следующий раз. Вопросы есть? Вопросов нет, – он встал, чтобы уйти, но я преградил ему путь:

– Вопросы есть. Я даже не знаю, с кем имею дело. Как ваше имя?

– Знания укорачивают жизнь. Зачем вам мое имя? Ну, предположим, Наполеон. Что вам это даст?

А мужичок-то с амбициями, не назвался же Ельциным или каким-нибудь забулдыгой. Нет, первое, что пришло ему в голову, – Наполеон.

– Не буду же я вас звать, как на рынке, «мужчина, мужчина».

– Моя фамилия Сергеев, – он обогнул меня и, не прощаясь, ушел.

А я уселся на скамью, снова закинул ногу на ногу и раскинул руки на спинку, если кто и наблюдает за мной, пусть знают – не больно они и напугали меня своим предложением. Плохо, что втягивают Ольгу. Нина вовремя ушла со сцены и не попала в эту пьесу. Кто знает, может, опасность вновь соединила бы нас, хотя, пожалуй, наоборот, сделала бы врагами. Ибо за Нину все решает папа. Опасность или горе всегда подскажут, кто вам друг, а кто враг, на кого можно положиться, а на кого нет. Но хоть Костя и выдал мое местонахождение (только он знал об Ольге), я на него не в обиде.

С Костей мы познакомились на секции самбо, он был уже опытный боец, я новичок, но мы быстро подружились. И потом судьба старалась нас не разлучать, в одно время призывали в армию, в учебке наши кровати стояли рядом. Оба отказались прислуживать «дедам» и дали такой отпор, что нас чуть не посадили за сломанные носы и челюсти. Вместе попали в Чечню, прослужили там год с небольшим, все было – замерзали в палатках, недоедали, теряли друзей. Костя и там отличался неунывающим характером и бесшабашной смелостью, ухитрился вытащить под огнем раненого комвзвода. Медаль «За отвагу» он получил заслуженно. После демобилизации я пошел учиться, а он двинул в милицию, дослужился до старшего лейтенанта, командует ротой ППС. Дружим мы по-прежнему, и то, что он выдал меня, настораживает. Что это за силы стоят за Сергеевым? Ведь надо было сделать что-то такое, чтоб Костя сломался.

Что ж, у меня не остается выбора, придется ехать. Но только зря Сергеев думает, что снайперу легко убивать. Что они знают, Сергеев и иже с ним! Вот и зять, отслуживший в десантных войсках, как узнал, что я снайпер, скривил рожу:

– Мы с противником грудь в грудь, а вы все норовите из-за угла, втихую. «Бум!» и скрылись. Наверное, и крови-то вражеской не видел, а я чеченца собственной рукой… чик и готово.

Я не стал оправдываться, говорить, что испытал кое-что пострашнее. Однажды, когда охранял дорогу, заметил, как трое на рассвете начали зарывать фугас, я выстрелил, один из бандитов упал, и фугас взорвался, в окуляр было видно, как от бандитов остались лишь разбросанные части тел. В другой раз попал в бензобак машины с бандитами, они в пламени катились по земле. Пусть снайпер не слышит стоны, но он видит глаза, чувствует, как входит в жертву пуля, разрывая ткань. Лишить человека жизни нелегко, слышишь ты его предсмертные хрипы или нет. Недаром летчик, сбросивший атомную бомбу на Японию, сошел с ума, он-то вообще ничего не видел и не слышал.

Ехать так ехать. На каждую неприятность надо смотреть и с другой стороны, мне всегда хотелось что-то искать, ходить в экспедиции, путешествовать. Я даже перенял от отца его любимый афоризм, эпиграф к книге «Два капитана» – «Бороться и искать, найти и не сдаваться». К тому же золото в Жердяевке может и в самом деле быть. Про оперуполномоченного ВЧК Полупанова я слышал еще в детстве от дедушки, он подробно рассказывал, кого именно из богатых односельчан пытал Полупанов, и даже говорил, что в старой школе есть подполь,

где висит крюк, на котором уполномоченный вешал тех, кто не желал расставаться с золотом. Уже в городе я в одной исторической книжке прочитал про Полупанова небольшую статью. Двигаясь из Якутска в Иркутск, он в каждом селе занимался экспроприацией, чем восстановил приленское население против Советской власти. В Иркутске Полупанов был арестован и расстрелян. Перед этим он, видимо, успел свои записки надежно спрятать. Я попытался представить, как Полупанов приказывает красноармейцу Сизову охранять сундук и убивает его. И что он говорит? Что-то он ведь должен был Сизову сказать? Но что? Я попытался представить себя на месте Полупанова, но не получилось, мешали реалии сегодняшнего дня...

Ну хорошо, дадут они мне оружие, а через минуту могут арестовать за незаконное хранение. Может, не брать? Но без оружия в Жердяевке делать нечего, братки крутые, долго разговаривать не любят. Ладно, оружие я возьму. Надо составить список нужных вещей и продуктов. Но это вечером, сейчас быстренько домой, переодеться, а потом снова к Ольге, готовить к ужину курицу.

У нас с мамой двухкомнатная квартира, но уже год, как она уехала к моей сестре Лизе в деревню нянчить внуков. Это ее вторая попытка, первая закончилась после того, как мама ударила зятя Николая сковородкой по лбу (есть такие алюминиевые сковородки с ручкой), когда он полез на Лизу с кулаками. Как рассказывала мама, Николай сразу же отрезвел, успокоился и сказал, что больше не хочет видеть в своем доме террористов. Террористы – это я и мама. У Николая была привычка, как перепьет, так сразу привязывает к костылю, вбитому в матицу (балка, поддерживающая потолок), веревку, встает на табурет, сует голову в петлю и зовет Лизу. И начинается:

– Все, прощай! Ты меня не любишь, зачем мне такая жизнь? Скажи, за что ты разлюбила меня?

И Лизе приходилось полчаса клясться ему в любви, чтобы он вытащил голову из петли. Проделывал Николай это и при нас с мамой – мы гостили у них около месяца, и он успел показать свой трюк раза три. Мне это надоело, и, когда Николай в очередной раз сунул голову в петлю, я выбил у него из-под ног табурет... Николай издал такой душераздирающий, предсмертный вопль, что удивил меня, столько лет совать голову в петлю и тем не менее так испугаться. Хуже всех в этой истории пришлось сестре и маме, у них чуть не разорвалось сердце. «Разорвалось» – так принято говорить, что было точно, я не знаю, но валерьянку нести пришлось. Все это время Николай сидел на полу с петлей на шее и плакал – веревку я подрезал заранее. После этого я к сестре не ездил, хотя Николай нормальный парень и долго зла не держит. Позже он сам смеялся над собой, как он орал и плакал. Но в петлю голову больше не совал.

А между прочим деревня, где живет сестра, находится от Жердяевки, вернее, от того места, где она стояла, в двадцати пяти километрах...

Только вошел в квартиру, зазвонил телефон – Нина. И сразу начала отчитывать:

– Что, дождался? Выгнали? Говорила, не бросай журналистику. Кому ты будешь нужен после тюрьмы? Загубил жизнь и себе и мне. Дожил, вся милиция на ногах...

Костя!.. Ей-то зачем рассказал?

– Удивляюсь, как тебя еще не арестовали, – продолжала нудить Нина.

– Пока решили не трогать, отпустили домой сухари сушить, – и вот как получается, я сказал совершенную правду, а Нина просто взбеленилась:

– Шут! Я тебя ненавижу! Если не трудно, собери мои вещи. Костя заедет, заберет. И не забудь, отдай мою фотографию.

– Как я понял, ты ушла навсегда.

– Вот именно.

– Так зачем мне твоя фотография? Что я с ней буду делать? – Сознаюсь, мне хотелось сделать ей больно. – Я даже рад, что ты меня бросила.

– Почему?.. – она снизила тон, в голосе появилась растерянность.

– Дело в том, что я люблю другую и давно хотел тебе об этом сказать, но я боялся обидеть.
– Подлец!

На этом разговор прервался, кто бы подумал, что всего через год после начала наших отношений она будет бросаться такими словами. Как быстро она обабилась. Я начал собирать ее вещи, трусики, ночнушку, халат и прочие мелочи. Отдавать фотографию не хотелось, я долго смотрел на нее, вспоминая прожитые с Ниной дни. Милое, нежное, застенчивое создание – и все это улетучилось, словно осень унесла листья с дерева, обнажив рабски послушную папе дочку. Но по-прежнему обольстительно красивую.

Я переоделся в джинсы, футболку, кроссовки. Перед уходом заглянул в мамину поварскую книгу, ведь я собирался на ужин готовить курицу. Понравилось два рецепта:

«Отварная курица, жаренная в тесте с рисом.

Мясо курицы, сваренной в бульоне, отделить от костей, порезать на порции. Каждую порцию обмакнуть в тесто (замесить из муки, масла, воды, водки, сахара, соли) и опустить в кипящий жир. Вынимать, как только зарумянится. Подавать с рисом».

«Фаршированная курица, за 25 минут.

Тонко нарезать ливер (печень, сердце, желудок) и окорок. Истолочь булку. Нарезать петрушку и чеснок. Смешать все вместе с рублеными яйцами. Посолить, поперчить. Нафаршировать этой смесью курицу. Зашить. В сковородке вскипятить подсоленную воду вместе с овощами, сельдереем и луковичей. Положить туда курицу. Закрыть кастрюлю и варить курицу 25 минут. Подавать на блюде, обложив овощами».

Но прежде чем выйти, я решил проверить, не следят ли за мной, и, прячась за занавесками, осмотрел сначала двор, а затем улицу – у нас квартира с окнами туда и сюда. Через некоторое время глянул снова – не изменилась ли обстановка. Дело в том, что с самого начала мне до конца не верилось в правдивость происходящего – не собираются ли они меня разыграть. Поиздеваться, пока я в их власти.

Эти мысли не покидали меня даже тогда, когда пришла Ольга и мы сели ужинать – курица у меня получилась отменной, я выбрал для готовки фаршированную, и она отлично гармонировала с сухим красным вином.

В десять вечера я не вытерпел и решил сходить в ресторан, где работал охранником, посмотреть, как там отреагируют на мое появление. Если верить словам Сергеева, меня никто не увольнял и вообще все в ажуре. Я сказал Ольге, что отлучусь на часик, и заказал такси.

Так получилось, что к ресторану я подъехал одновременно с милицейской машиной, из которой вылез Костя, увидев меня, он сделал движение, словно собирался снова нырнуть в газик, но тут же опомнился и подошел ко мне. Мы обменялись рукопожатиями.

– Знаешь, Андрей, я должен тебе сказать, хоть мне и не велели этого делать… О тебе спрашивали такие люди… И…

– И тебе пришлось выдать меня. Знаю.

– Откуда? – изумился Костя. – И ты не в обиде?

– Я верю, что положение у тебя было безвыходное. Ты не мог походя предать меня.

– Они пригрозили, если не скажу, где ты прячешься, то не увижу больше дочку. Она была уже у них, прямо из детсада увезли… Скоты! Словно разрубили меня надвое. Самое обидное, что свои, из конторы. Вся страна живет не по закону, а по понятиям. Странно, что они до сих пор тебя не арестовали, у Х-ва такая власть, они что угодно могут с тобой сделать. Может, тебе все же уехать из города?

– Пока в этом нет необходимости. Не подбросишь до дома? Я мигом, поговорю минут пять с директором…

– Конечно, какой вопрос.

Я поручковался с охранником и вошел в ресторан, и метрдотель и бармен встретили меня улыбками, девчонки-официантки тоже. Директор, увидев меня, встал из-за стола, сказал, что

он вчера погорячился и готов извиниться, что я могу приступить к работе в любое время. Я ответил, что на время уезжаю и хотел бы получить расчет. Директор тут же пообещал выдать его утром. Я вышел из ресторана слегка ошеломленный, обычно за драку с важным посетителем, пусть даже тот ударит первый, сразу увольняли. Теперь у меня не было сомнений – в Жердяевку придется ехать.

В машине Костя снова поинтересовался, почему я до сих пор не арестован.

– Объявили «Вулкан», все стояли на ушах. И вдруг все отменили, и ты спокойно разгуливаешь по городу. А что я пережил! Предать друга, с которым вместе рисковали жизнью… Не дай бог тебе такой выбор, какой сегодня предложили мне. Кажется, у меня что-то внутри сломалось.

Я сказал, что передо мной тоже стоит непростой выбор, а не арестовали потому, что в непонятной пока для меня игре я изображаю какую-то фигуру. И кто на меня поставил – неясно. И что больше ничего ему сообщить не могу.

Костя понимающе кивнул:

– Я чувствовал, что на меня выйдут. Даже подстраховался, предупредил Нину, думал, начнут расспрашивать ее о тебе, чтобы не говорила, с кем ты знаком. Да они, видишь, и сами раскопали. Скоты! Так обращаться с офицером, – Костя скрипнул зубами.

И молчал до самого дома.

Я отдал ему сумку Нины, зная, что после этого уже никогда не смогу сделать первый шаг к примирению. Когда ее вещи были у меня, мы находились в состоянии поссорившихся – с кем не бывает. Но теперь она ушла навсегда.

Мы странно встретились и странно разошлись.

После того, как Нина пересела от меня на именинах Костиной жены (останься она, я не познакомился бы с Ольгой), мы встретились ровно через два года и снова на именинах Костиной супруги. Ольга по какой-то причине не пришла – появилась она, и наши пути с Ниной, может, никогда бы не пересеклись.

Нину старанием Кости и его жены опять посадили со мной, мне ничего не оставалось, как положить ей руку на колено и слегка пожать. Нежное создание не онемело, не одеревенело, а посмотрело на меня долгим изучающим и в то же время снисходительным взглядом, словно говорило: «Ну что с тобой поделаешь, нравится тебе трогать мое колено, трогай». Потом на лице Нины появилась легкая улыбка, и она прошептала:

– Вы не изменились.

Не знаю, что она имела в виду, мою физиономию или привычки. Я легонько провел ладонью по ее ноге, от колена вверх, и убрал руку:

– О вас этого не скажешь. Я говорю не о внешнем виде, вы по-прежнему прекрасны.

– Спасибо! Папа сказал, вы отличный журналист и у вас большое будущее.

Вот так с первых минут к нам, пусть и заочно, присоединился ее отец и был с нами до самого разрыва отношений.

Костя подмигивал мне весь вечер, он и его супруга не одобряли мою связь с Ольгой, считая, что мне пора остепениться, жениться и лучшей парой для меня, конечно, же является Нина. Разговоры эти велись уже два года, но так как я о женитьбе не думал (единственный раз я задумался об этом, встретив Ольгу), о чем и заявлял, Нину от меня держали подальше. Она была дальней родней Костиной супруги, и та пеклась о ее девственности, что было излишне. Нина серьезно подходила к жизни, к тому же и шагу не делала без папиного благословения.

Подталкиваемый Костей, я пошел провожать Нину. И предложил зайти ко мне, выпить кофе и поболтать. Мама уже уехала к сестре, и я жил один.

– Но я вас почти не знаю, – Нина с удивлением посмотрела на меня – как я, мол, не понимаю таких простых правил приличия, нельзя девушке в первый же вечер идти на дом к мужчине. Вот что я прочитал в ее взгляде.

— Мы знакомы уже два года, достаточный срок, чтобы отбросить все формальности, этикеты, — сделал я попытку переубедить ее. Но безрезультатно. В тот вечер мы даже не поцеловались, Нина держалась так, словно делала одолжение, позволив проводить себя. И возле ее подъезда я тотчас откланялся, не пытаясь даже договориться о новой встрече...

Каково же было мое удивление, когда дня через два, в субботу утром, Нина позвонила и попеняла, что я совсем забыл ее, а ведь мы два года как знакомы.

Потом у нее войдет в привычку мои же слова оборачивать против меня.

Я предложил сходить на пляж, пока август балует жаркой солнечной погодой — пройдут даже небольшие дожди и о купании можно будет забыть до следующего лета.

Нина согласилась.

У нее оказалась изумительная фигурка, взгляды мужчин, стоило ей сбросить платьице, как по команде обернулись к ней. Если у Ольги фигура молодой женщины с ярко выраженным женским прелестями, при одном взгляде на которую хочется немедленно лечь с ней в постель, то Нина напоминала подростка, стройную девочку, но желание ее иметь вызывала не меньше, чем Ольга, в Нине была какая-то незащищенность, что так импонирует мужчинам. Я не имею в виду мужчин маленького роста — им подавай что-то солидное, неподъемное. Но я отвлекся. Хрупкость Нины, ее тонкие черты лица (Вертинская в «Алых парусах») покорили меня. Мы стали встречаться, Нина училась на третьем курсе отделения журналистики, и тема для разговоров нашлась сразу, в них участвовал и ее папа — заочно, он говорил ее устами. Несколько раз я приглашал ее к себе, но ответ был один — мы еще недостаточно знаем друг друга. Но я и сам не торопил события, не пытался всякими уловками завлечь ее в постель, мне приятно было гулять с ней по городу, ходить в кино, слышать ее голос, звонкий смех. Честно говоря, мне в жизни как раз этого и не хватало, как-то получалось, что обычно, познакомившись с женщиной, я на другой день или в тот же вечер оказывался в ее постели. В наше стремительное время, когда каждый пытается побыстрей урвать у жизни кусочек счастья или его подобие, когда все: встреча, сонние, свадьба, развод — делается на бегу, такие отношения, что сложились у нас с Ниной, были для меня отдушиной в этом сумасшедшем мире.

В конце сентября Нина пригласила меня к себе домой:

— С тобой хочет познакомиться папа.

Это меня слегка удивило. С Егором Борисовичем я уже был знаком, брал у него весной интервью, меня интересовало (интересовало редакцию, а мне было на это наплевать), что он думает как депутат областной думы о предложении президента страны заменить выборы президента их назначением. Е.Б. с важным видом сказал целую речь, получился такой винегрет — ни за, ни против, ни нашим, ни вашим. Зам. главного редактора Клепиков, прочитав интервью, сказал:

— Если таким, как наш славный депутат, доверить вынесение приговора преступнику, а он не будет знать, что по этому поводу думают наверху, то приговор будет звучать так: «Его надо расстрелять, пусть живет».

На встречу с Е.Б. я надел джинсы и легкий пулlover стального цвета, чем огорчил Нину, она этого и не пыталась скрыть — по-видимому, я своим одеянием понизил торжественность момента. Слегка скривилась и мамаша (потом мы с Полиной Захаровой подружились), хоть я и вручил ей пышный букет. Зато остальные гости — три солидных пердун — поражали однообразием, черные костюмы, белые рубашки, черные галстуки. Е.Б. к моей одежде отнесся снисходительно:

— Сразу видно — журналист. А что такое журналист? Человек, открытый для общения со всеми слоями общества. Демократ, либерал, в отличие от нас — консерваторов.

Он явно напрашивался на ответную любезность с моей стороны, мол, какой вы консерватор, самый что ни на есть ярый демократ. Но я не был расположен раздавать комплименты и сделал вид, что ничего не понял.

Темы за столом обсуждались серьезные: демократическое устройство государства, местное самоуправление и т. д. и т. п., все, о чем обычно треплются депутаты и политики разных уровней. Мысли высказывались затертыми, затасканными, как слова, которыми они их выражали. Я тоже, для оживления дискуссии, ловко ввернул несколько складных клише, что без остановки штампуются на радио и телевидении, а также ознакомил с последними взглядами главы региона на ситуацию в стране, которые он высказал во второй половине дня на встрече с журналистами и они еще не были озвучены на радио и не освещены в газетах.

На самом деле меня интересовала не беседа, а салаты. Как я потом убедился, Полина Захаровна в их приготовлении была искусница. Я навалился на них, так как был голоден, и, не жалея слов, нахваливал хозяйку, чем сразу расположил ее к себе. И она, радуясь, что нашелся ценитель ее кулинарного мастерства, все подкладывала мне и подкладывала. И вскоре я чувствовал себя как волк из мультфильма «Жил-был пес». Я смотрел этот фильм много раз и всегда с удовольствием.

«Спасибо» я, правда, выговорил почетче волка. Е.Б. сказал, что рад знакомству, а П.З. пригласила приходить в любое время, она не работает, всегда дома и будет рада со мной поговорить. И добавила, что обязательно угостит чем-нибудь вкусненьким, и я сразу решил, что буду непременно ее навещать.

По Нининому взгляду я понял – смотрины удались.

И уже на следующий день Нина согласилась зайти ко мне на чашечку кофе. Чуть позже она по моей просьбе позвонила домой и сказала, что заночует у подруги.

А дня через два Ольга пригласила меня на ужин, ответ дался нелегко, но я не мог обманывать доверившуюся мне Нину, да это и не в моих правилах.

Через месяц Нина уже в открытую ночевала у меня, Е.Б. звал зятком, П.З. во мне души не чаяла, я даже стал волнеться от ее кулинарных изысков. После Нового года начали поговаривать о свадьбе.

И тут я перешел в охранники. Будущая жена и будущий тестя меня не поняли, поначалу подумали – это журналистский прием, внедриться в коллектив ресторана, поработать и ухнуть разоблачительной статьей. Но когда до них дошло (через месяц с небольшим), что никакой статьи я писать не собираюсь (Е.Б. переговорил с главным редактором), то отреагировали они бурно. Нина обозвала меня садистом, заявила, что жить со мной не будет, и расплакалась, а Е.Б. целый час пафосно разглагольствовал о предназначении человека. Смысл его речи сводился к тому, что человек должен работать там, где сможетносить обществу наибольшую пользу. Я лишь смог вставить, что этого нам не дано узнать. Спокойна была лишь П.З. и накормила меня новым оригинальным салатом по рецепту из кулинарной книги, которую я перед этим ей преподнес.

Хоть Нина и обозвала меня садистом, но жить со мной продолжала. Папа сказал – у творческих людей бывают срывы, но я вскоре образумлюсь и ей не зазорно побывать это время рядом со мной и помочь преодолеть кризис.

Нина была замечательная девчонка, понимала юмор, разбиралась в литературе, порой высказывала очень интересные, неожиданные мысли, но чаще цитировала папу. Легка была на подъем, умела готовить. И, несмотря на хрупкость, обладала твердым характером. Мы были почти счастливы, радоваться жизни ей мешала моя работа, Нина стеснялась говорить подругам, что я охранник.

Не знаю почему, но я не сказал ей, что в скором времени буду работать в детском журнале. Когда я еще трудился в газете, то заметил, как Клепиков нет-нет да принесет Верочки, что сидит в приемной, детскую книжку для ее сына Паши. Паша завязтый книжкой, хотя ему всего восемь лет. Я посоветовал Клепикову не тянуть, пока его библиотека перекочует к Верочки, а сделать ей предложение прямо сейчас. И парнишка обязательно полюбит его как обладателя чудесных книг. Но Клепиков не послушался совета и в очередной раз принес «Фантазеры»

Николая Носова. Я увидел книгу на столе у Верочки и прямо в приемной прочитал от корки до корки. Сразу вспомнилось детство, истории, которые в то время произошли, и вечером я написал детский рассказ, потом еще и еще. И решил показать их Клепикову. Тот похвалил и предложил отнести в детский журнал, где они и были напечатаны. Я в то время уже работал охранником. И вот буквально месяц назад мне в журнале предложили место зав. прозой. Я согласился и в ресторане дорабатывал последние дни. Скажи я Нине, и мы бы не расстались. Но я промолчал. Тем временем Е.Б. подыскал мне место в пресс-центре главы региона. Я отказался. Отказ привел Е.Б. в негодование, и он на семейном совете вынес резолюцию – я бесперспективный, так как у меня совершенно отсутствует честолюбие. И судьба нашего с Ниной гражданского брака была решена.

Странно, все последние дни я не находил места из-за ее ухода, а сегодня удивительно спокоен. Это спокойствие меня напугало. Неужели я такой бесчувственный? И я посидел еще с полчаса, ожидая возвращения грусти (иногда хочется почувствовать себя покинутым и одиночным), но, видимо, печаль покинула квартиру вместе с Ниниными вещами. И я поехал к Ольге.

И у нее под самое утро снова приснился красноармеец Сизов, почему-то я точно знал – это он. Все в той же застиранной одежде и сапогах он стоял посреди Жердяевки и что-то пытался мне сказать. Но, видимо, понял, что я не слышу, и показал в сторону зарослей кустарника и лебеды. Я пристально всмотрелся и… оказался рядом с Сизовым, чему он не удивился. Мы подошли поближе к зарослям, и я увидел полуобвалившийся провал и верхнюю полусгнившую ступеньку ведущей туда лестницы. Я испытывал дикий ужас. Поднял ногу, чтобы наступить на ступеньку… и с испугу проснулся.

Ольга выпила кружечку кофе и умчалась на работу, а я неторопливо жевал тосты с сыром и думал о красноармейце Сизове. Что он хочет? Предупредить? О чем? Надо сегодня лечь пораньше, чтобы подольше пообщаться с Сизовым, но сделать это я смогу только в своей квартире, куда мне пора уматывать. Мужчина по вызову должен знать свое место. Скажи Ольга, оставайся, живи со мной, я бы остался. Наверное, я все-таки люблю ее. Но тогда как назвать чувство, которое я испытываю к Нине? И вернись она, кого бы я выбрал, с кем остался? Что ни говори, а в многоженстве есть своя мудрость.

После завтрака сходил в ресторан, получил расчет и премиальные. Не понял, за что, но спрашивать не стал.

Дома я первым делом начал печатать список нужных продуктов и вещей. Нужных для чего? Для чего меня посыпают одного в Жердяевку, если там будет полно бандитов? Какую роль я там должен сыграть? Я зачеркнул слово «нужных», просто список продуктов и вещей. На первое место поставил хлеб – он всему голова. Тушенка, корейская лапша, водка, рис и гречка в пакетиках, соль, сахар, заварка, кофе, возьму и сухари, мама насушила целый мешочек, она никогда не выбрасывает хлеб, картошка. Ложка, вилка, котелок, кружка, термос. Вроде все, что связано с питанием, я упомянул. Теперь вещи. Палатка, топор, ножовка, резиновые сапоги, плащ-дождевик, спальник, полотенце, камуфляжная форма, берцы. Поеду в кроссовках и джинсах.

После того как список был готов, я завалился спать. Спал до трех дня, но Сизов так и не появился.

Ужасно хотелось есть, заглянул в холодильник – хоть шаром покати. Пришлось тащиться в магазин, купил пельмени, заодно кое-что из списка. Не забыл и пару бутылок пива.

Мне очень хотелось вернуться к Ольге, и я нашел тысячу причин для этого, но не сдвинулся с места. И, пожалуй, правильно сделал, в восемь вечера, только начались «Вести», ко мне нагрянул нежданный гость – Валера Балаев. Мы с ним учились в одном классе в Жердяевке. В школе мы дружили, но после переезда в город наши пути разошлись, встречаясь, мы обычно подолгу говорили, но на этом наши отношения и заканчивались. И его приход меня сначала удивил. Но когда он спросил, нет ли у меня фотографии Жердяевки: «жене показать,

ей интересно, где я жил», я все понял. Валера – проводник. Это его Сергеев подсунул обладателям оригинала.

У меня такой фотографии не имелось, но в моих интересах было не торчать долго в тайге, одно воспоминание о комарах и мошке, что тучами висели в тех местах, заставляло тело чесаться. И чтоб банда Кукарева быстрей нашла места, где стояли дома Балаевых, я предложил Валере сходить к Ларисе, тоже нашей однокласснице, она жила неподалеку с мужем и трехлетним сыном. У нее было несколько фотографий Жердяевки, я давно собирался сделать с них ксерокопию, но все руки не доходили.

Наш приход Ларису обрадовал:

– Ой, мальчики! Какие вы молодцы! Проходите. А я сижу одна, Миша повез Витю к бабушке в деревню, мы собираемся в Грецию махнуть. Ну еще куда-нибудь заглянем.

Лариса говорила так обыденно, словно собиралась из Жердяевки в райцентр. И это понятно, муж Михаил – он старше ее на десять лет – успешный предприниматель, как раньше говорили, лесопромышленник.

– Что будете, вино, водку, виски, текилу? У Миши богатый ассортимент. Сам пьет мало, для гостей держит.

Мы выбрали текилу. Хорошее пойло. Разговор за столом шел, конечно, о Жердяевке, об односельчанах – кто, где. Что ни говори, а место, где родился и прожил детство, на всю жизнь остается самым дорогим.

Когда перешли к кофе, Валера спросил про фотографию и уединился на диване с альбомом. Мы с Ларисой остались сидеть за столом.

– Как твои дела, Андрюша? – Лариса положила ладонь на мою руку.

– По-прежнему растет, – не задержался я с ответом.

Лариса отдернула руку, слегка покраснела и, легонько стукнув меня кулаком в плечо, прошептала:

– Какой же ты бессовестный, – и отвернулась, чтоб я не заметил, как она улыбается.

Мы закончили тогда четвертый класс и осенью должны были ехать учиться в соседнее село и жить там в интернате. У нас в деревне была четырехлетка. А пока мы наслаждались коротким сибирским летом, проводя большую часть времени на берегу Лены. Но однажды, хоть и стояла жара, мы не пошли купаться, Валерка тайно утащил у брата журнал – одни цветные картинки и люди только голые. Собравшись дома у Ларисы, мы начали смотреть. Поглядели, и Валерка побежал домой положить на место журнал, пока брат не заметил пропажу. Мы остались с Ларисой вдвоем, слегка смущенные увиденным. Но все же я задал интересующий вопрос:

– У тебя там так же, как у теток?

– Нет, – не глядя на меня и краснея, ответила Лариса.

– А ты не могла бы показать?.. – задохнулся я от своих слов.

– Я что, дура?

– Если покажешь, я тебя в интернате всегда буду защищать, – привел я веский аргумент, в классе я был сильнее всех. – Если хочешь, я тоже покажу.

– Ладно, – и Лариса сбросила трусики...

Я подождал, пока она наденет трусики, и приспустил штаны, внимательно следя за реакцией Ларисы:

– Посмотрела?

– Посмотрела.

Но одного разглядывания мне показалось мало, и я предложил:

– Давай ты потрогай, потом я у тебя потрогаю.

– Я что, дура? – обиделась Лариса.

Тогда я сказал, что потрогаю у Верки Калашниковой и вообще дружить буду только с ней. И Вера и Лариса были самыми красивыми девчонками в школе и вечно ссорились, называя друг друга воображалой. И Лариса не могла допустить, чтоб я подружился с Верой. Она несмело приблизилась, осторожно взяла пипиську в руку, подержала и удивленно воскликнула:

– Растет!..

Я это почувствовал и сам. Тут в сенях раздались шаги, и я едва успел застегнуть штаны и сесть за стол. Пришел отец Ларисы.

Не знаю, куда бы нас привел такой интерес к гениталиям, если бы Лариса тем же летом не уехала в город. Прощаясь, Лариса плакала. Я обещал, что обязательно найду ее.

Две зимы я прожил в интернате, а потом наша семья перебралась в соседнюю деревню, где и поныне живет сестра. Я не забывал Ларису и, может, поэтому закончил десятилетку девственником. Было это уже в городе, но Ларису я там не встретил, их семья уехала на Украину к родне (после разделения Союза они вернутся), и никто не знал ее адреса. С Ларисой мы неожиданно столкнулись на улице, она уже была замужем. И что я почувствовал, когда она сказала, что ждала меня...

И сейчас она крепко сжала мою руку и шепнула:

– Хоть между нами ничего такого не было, я считаю тебя своим первым мужчиной. Так мне легче жить.

В ответ я поцеловал ей руку и прижал к щеке:

– Ты тоже моя первая любимая женщина, – и это была правда.

Наш разговор прервал Валера, он нашел нужную фотографию, но подзабыл, где чей дом стоит. Я попросил листок бумаги, ручку и набросал план Жердяевки, я был в ней перед самым ее исчезновением – ездили с мамой на могилу бабушки с дедушкой, и мама, ударившись в воспоминания, рассказала мне почти о каждом доме, каждой семье.

Уже во дворе я предложил Валере встретиться снова, поговорить. Таким способом я попытался узнать время отправления банды в Жердяевку и, кажется, достиг результата: Валера сожалеющее раскинул руки и огорченно произнес:

– В ближайшее время не смогу, в субботу уезжаю в командировку. Вернусь, созвонимся.

В субботу... А сегодня вторник, что-то господа бандиты не торопятся завладеть золотом. Странно это, странно.

Как и собирался, спать лег пораньше, но долго не мог уснуть, думал о Ларисе, Ольге и Нине – бермудский треугольник, из которого не вырваться без потерь.

А красноармеец Сизов так и не появился, может, он приходил на квартиру к Ольге и, наверное, удивился, не застав меня там. А удивилась ли Ольга моему уходу? Или приняла это как должное?

Я не спеша почистил зубы и собирался выпить кофе, но помешал телефон. Звонил Сергеев, назначил встречу, снова у фонтана.

Встретиться должны были через полчаса и я решил позавтракать в кафе, что примыкало к площади, и заодно проследить, один приходит Сергеев или кто-то подстраховывает его.

Я успел проглотить дрянные сосиски и допивал паршивый, пахнущий портянками кофе, когда показался Сергеев, в тех же вельветовых брюках, лишь футболку заменила рубашка в клеточку. Он шел не спеша, похлопывая свернутой в трубочку газетой по ноге, видимо, без газеты он чувствовал себя скованно. Я уже встал из-за стола, как заметил слежку... За Сергеевым явно следили двое парней в спортивных брюках и футболках. Я бы не обратил на них внимания, если бы Сергеев не остановился и, зажав газету под мышкой, не присел, завязывая шнурок. Его преследователи были неопытные, они растерянно топтались на месте, пока Сергеев не тронулся дальше. Тут и они двинулись вперед, но Сергеев снова остановился и оглянулся, провожая взглядом девчушку лет пяти в розовом платьице, катившую на роликах. И опять парни растерянно затоптались, уставившись в голубое небо. Проходивший мимо старики

остановился с ними рядом и тоже задрал голову. Сергеев дошел до скамьи, уселся и развернул газету.

Я вышел из кафе и направился к фонтану. Остановившись неподалеку от Сергеева, я подождал, вдруг он подаст предупреждающий знак, ведь не заметить слежку он не мог. Но Сергеев глянул на меня спокойным равнодушным взглядом. Я поздоровался и сел рядом.

– Читали? – Сергеев похлопывал по газете тыльной стороной ладони. – Не осталось в нашей истории ни одного заметного события, ни одного из великих людей, которых господа демократы не тронули бы. Всех обосрали. Хамье! Итак, Кукарев выезжает в субботу. Проводника вы, скорей всего, знаете, ваш ровесник, Валерий Балаев…

– Вчера я нарисовал ему план Жердяевки. Вы заметили за собой слежку?

– С утра ходят. Головорезы Кукарева. Произошла утечка, он знает про копию, предложил объединить усилия по раскопке, но на всякий случай следят. Почему за мной? Думаю, «крот» доложил Кукареву, что именно я отвечаю за доставку сундука господину Х-ву. Теперь они последуют за вами, Кукареву нужен не я, а тот, с кем я связан. То есть вы. Оторветесь от них без труда, главное – сделайте вид, что не замечаете слежки. Шли спокойно и вдруг испарились. Но будьте осторожны, как бы не затащили в машину. Перейдем к делу, винтовку принесут на дом в пять тридцать, конец рабочего дня, никто внимания не обратит.

– Можно вопрос? Почему в субботу, а не раньше?

– В четверг Кукарев справляется пятидесятилетие. Вы знаете его в лицо? Нет? Тогда внимательно посмотрите, – Сергеев протянул фотографию.

Ничего бандитского, обычное лицо служащего, с таким лицом сидеть в тихой kontоре, говорить о футболе, женщинах, погоде и пить растворимый кофе. Смутила лишь его шея – шея борца, о чем я и сказал.

– Угадали, он мастер спорта по самбо и имеет высшее экономическое образование. Несудим, – Сергеев забрал фотографию. – Хорошо запомнили? Они арендовали «Зарю» и в понедельник будут на месте. Ваша задача несколько облегчается. Будете следить за раскопками, ничем не выдавая своего присутствия. Когда сундук будет извлечен и Кукарев его откроет, в эту минуту вы должны его убрать. Но ни в коем случае не раньше. Это очень важно. Потом действуйте по обстановке. Не забывайте, ваша свобода прямиком зависит от нашей удачи. Винтовку постоянно носите с собой, Кукарев очень осторожный и может прочесать близлежащий лес. Поэтому и лагерь разбейте подальше. Только не вздумайте нас одурачить, за это поплатятся и ваша девушка, и ваши родные. Кстати, заезжать к ним не следует. Ну что ж, задачи ясны, цели определены. До встречи, – Сергеев развернулся и углубился в чтение.

Я буркнул: «До свидания!» – и двинулся к автобусной остановке, один из парней последовал за мной. В автобусе я его хорошо рассмотрел, первым делом в глаза бросался его нос, про такой говорят – рубильник, все остальное лицо как бы подчинялось ему, ссуживаясь и вытягиваясь, словно старалось стать не основанием носа, а продолжением. Я вышел возле почты, месяц назад в ней делали ремонт и со двора был ход, этим я и решил воспользоваться, благо, носатый за мной не последовал. В окно я видел, как он с кем-то переговаривался по телефону. Под возмущенные крики почтовиков я пересек помещение и выскочил во двор, потом попетлял между гаражами и оказался возле своего подъезда.

Теперь можно было обдумать, каким транспортом мне добираться до Жердяевки. Ближайший аэродром от нее в ста пятидесяти километрах, оттуда можно добраться на «Заре», но нет гарантии, что не встречу знакомых, ехать придется как раз мимо деревни Красное, где живут сестра и мама. Им обязательно доложат, что видели меня, и Николай тотчас примчится проверить, чем я занимаюсь в Жердяевке. По этой же причине отпадал и пассажирский пароход. Сергеев предупредил – в Красном не светиться, это понятно и козе.

Но выход был, в речном порту диспетчером работал мамин брат, раньше он ходил капитаном, но потом повредил руку и сошел на берег. После школы я одну навигацию проработал

у него матросом. Может, он пристроит меня на теплоход, идущий в сторону Жердяевки? И я поехал к дяде.

Мне повезло, в порту под разгрузкой стоял теплоход «Можайск», через день намечался отход. Договорились с капитаном насчет питания и отдельной каюты.

Время было обеденное, и мы зашли с дядей в привокзальное кафе, взяли котлеты с макаронами и пива. Естественно, его интересовало, куда я направляюсь и почему не на пассажирском. Пришлось соврать, еду, мол, к сестре, а по пути хочу написать репортаж о жизни речников, чтоб зря не тратить отпускное время. Про Жердяевку я сказать не мог, Кукарев арендовал «Зарю» в порту, и дядя мог нечаянно проговориться.

Попрощавшись с дядей, я прошелся по магазинам, купил все необходимое (список у меня был с собой), кроме водки и пива.

Теперь, когда с транспортом было улажено, надлежало решить самое трудное – говорить или не говорить Ольге, что из-за меня ей угрожает опасность. Сказать – надолго испортить ей настроение, к тому же сундука может не оказаться вообще. Конечно, лучше было перестраховаться, взять ей отпуск и на время уехать. Сказать или не сказать, я думал об этом до самого вечера.

В пять тридцать в дверь позвонили и сказали – от Сергеева. Мужчина в темных очках передал мне продолговатую картонную коробку, перевязанную алой лентой, и тут же ушел. В коробке оказался футляр, в нем винтовка с оптическим прицелом. Последние сомнения отпали – я одна из фигур в игре и на карту поставлена жизнь матери, сестры и Ольги. Единственная надежда, что они не найдут сундук и игра не состоится. Но Ольгу все же нужно предупредить, я не могу оставить ее в неведении.

Я купил бордовых роз, вина и направился к Ольге. Я впервые шел к ней без приглашения и очень волновался. В первые месяцы нашего знакомства я был уверен – у нее нет другого мужчины, конечно, легкие сомнения были. Но за год многое изменилось, не застану ли я у нее другого мужчину по вызову? И вообще, как она отреагирует на мой приход, удивится, обрадуется?

Ольга не сразу открыла дверь, после того как я назвал себя, а когда все же отворила, была спокойно-равнодушной:

– Вчера ты ушел, не позвонив, ради того, чтобы сегодня так же внезапно появиться? Но, увы, ты мне пока не нужен, может быть, через месяц. Жди – позвоню.

Казалось бы, после такого оскорбления я должен был тут же уйти. Но… я был рад такому приему, Ольга явно обиделась на то, что я вчера ушел. Обиделась! Значит, ей очень хотелось, чтоб я остался.

– Меня не будет, уезжаю.

– Счастливого пути! – у нее на лице не дрогнул ни один мускул, глаза по-прежнему смотрели равнодушно.

– Меня вынуждают уехать. Отъезд некоторым образом касается и тебя… Сам того не желая, я втянул тебя в ужасную историю и хотел бы объясниться. Поверь, это очень важно.

Ольга молча отступила внутрь коридора, а затем удалилась в комнату. Я разулся и только тут заметил, что один носок рваный, у нас в родове у всех большой палец на ноге задирается вверх и протирает не только носки, но и туфли. Шлепанцев видно не было, и пришлось идти в дырявом носке.

Ольга стояла возле овального стола, касаясь рукой столешницы, бриджи и футболка, обтягивающие ее фигуру, словно слились с телом, которое я так любил. Я поставил на стол вино, положил цветы и сел на диван. Ольга, не отрывая руку от стола, медленно обошла его кругом:

– Надеюсь, ты не придумал затею с отъездом как предлог для встречи.

— Увы, — я рассказал ей о звонке Сергеева, о встрече с ним, его предложении и угрозах. — Послезавтра рано утром уезжаю.

— Но почему я? — Ольга взяла розы, поднесла к лицу, вдыхая аромат. — Почему не твоя жена или та, с которой ты спишь? Почему угрожают мне?

— Потому что жены у меня нет, а девушка, с которой я сплю, — это ты.

— Я? Разве у тебя никого нет?

— Есть. Красивая девушка Ольга.

— Тогда почему ты вчера ушел? И даже не предупредил, не позвонил.

— Я не хотел дожидаться того часа, дня, когда ты укажешь на дверь. Потому что после этого я больше не смогу к тебе прийти.

— А раньше мог?

— Раньше я думал, раз тебе хочется, пусть будет по-твоему. Но это слишком затянулось, и я не хочу больше быть приходящим.

Ольга растерянно спросила:

— Ультиматум?

— Признание.

После недолгого молчания, его хватило как раз для того, чтобы Ольга подошла ко мне, она сказала:

— Тогда признаюсь и я. Мне приятно, что я подвергаюсь опасности по причине... что я твоя женщина. Наверное, я дура, но я даже рада этому...

Я начал было приподниматься с дивана — мне хотелось обнять Ольгу, но она толкнула меня на место и села мне на колени. Я попытался ее поцеловать, но Ольга прикрыла мне рот ладонью.

— Подожди. Когда год назад ты сказал, что не сможешь больше приходить, так как не желаешь обманывать свою подружку, я готова была убить, но не тебя, а себя. Ведь сколько раз я собиралась сказать, чтоб ты не уходил, а оставался со мной, сколько хочешь, и приходил сам, а не по вызову. Но ты ни разу не попытался остановиться подольше и я... я не хотела быть назойливой, не хотела навязываться.

Я поинтересовался, где шлепанцы. Ольга поначалу сделала вид, будто ищет, а потом призналась, что вчера вечером выкинула их, заодно и зубную щетку. И разозлилась окончательно, когда поняла, что больше выкидывать нечего.

— Понимаешь, только шлепанцы и щетка, я ревела от того, что нет даже твоей рубашки, майки, фотографии, чтоб было что выкидывать и рвать. Это так обидно и можно сойти с ума, если в доме нет следов присутствия любимого мужчины. Я поняла, нельзя жить, стараясь втиснуть себя в придуманные самой же рамки.

Ольга принесла вазу с водой, опустила туда розы:

— Твой второй букет.

— Ты звала всегда вечером, и я сразу мчался к тебе.

— Не оправдывайся, я не укоряю, — она прошла на кухню, через мгновение выглянув оттуда. — Есть сильно хочешь?

— Не очень.

— Тогда подам к вину сыр, я тоже не голодна.

Она принесла на тарелочке нарезанный тонкими ломтиками сыр, фужеры, открывашку. Я вынул пробку:

— Подождем, пусть испарится сивушный запах.

— Хорошо. А твоя девушка, ты ее разлюбил? Если не хочешь, не отвечай.

— Ее отец назвал меня бесперспективным, и она ушла. Я ее понимаю, честное слово, одно дело журналист, другое — охранник. Я не пытался ее удерживать, это ее жизнь. Зачем мне вмешиваться? Хотя иногда думаю, что поступил не совсем честно.

– Она красивая?

– Очень. Ты ее видела на дне рождения, такая хрупкая, нежная и застенчивая. Жалко, что не хочет освободиться от влияния отца.

– Кстати, о журналистике. Я читала твои статьи. Все. Отличная подача материала и слог хороший.

– Спасибо! – мне и в самом деле была приятна ее похвала.

– Почему ты ушел из журналистики?

Я точно знал почему, но объяснить это было трудно, во всяком случае Нина меня не поняла.

– В селе Красном, где живут мама и сестра, есть известная сплетница Кузьмичиха. Так вот, она просто изводилась, если кто-то другой вперед ее узнавал какую-либо новость и рассказывал другим. Она ненавидела этого человека, завидовала ему. На Кузьмичиху в такие минуты даже наваливалась слабость, и она едва передвигала ноги. Но зато как она преображалась, когда могла сообщить односельчанам какую-нибудь скандальную новость и хоть немного побывать в центре внимания.

Ради новостей она с утра бродила по деревне, к одним зайдет, к другим, но если говорили о делах серьезных, сразу уходила. Ей нужны были драки – да чтоб до ножей, до крови, семейные скандалы, измены, пожары, да чтоб кто-нибудь заживо сгорел. Старуха она добрая, а вот новости любила прегадкие. Газета в наше время – это Кузьмичиха, но если старуха сама бегала вынюхивала новости, то у газеты много журналистов – кузьмичихиных детей. Люди они добрые, умные, но жизнь заставляет писать не то, что душа требует, а что надо хозяину, потому как свободная пресса – блеф. Да и вообще, газета потеряла то значение, которое имела, вот я и ушел. Это была, пожалуй, главная причина моего ухода. Сидишь ночами, пишешь, переживаешь, а люди прочитали и тут же забыли. Пережевали, сглотнули и тут же начали жевать другое...

– И зря. Охранником может работать каждый здоровый мужик, а журналистом – единицы, – Ольга взяла мою руку, приложила ладонь к своей щеке. – Независимо от того, как будут развиваться наши отношения, я рада, что мы вместе.

– Я тоже. Скажи, как ты оказалась у ресторана?

– Это мистическая история, – Ольга, не отпуская мою руку, положила ее на колени. – Я обычно раньше одиннадцати не ложусь, но если даже лягу – не усну. А тут сидела на диване, смотрела телевизор и задремала. И снится мне солдат, я его так четко увидела, вот как тебя сейчас. Честно сказать, до сих пор не знаю, спала я или мне привиделось наяву. А солдат говорит: «Ольга, иди помоги своему мужику. Иди быстрей, а то потеряешь его». Сразу подумала о тебе, больше мне помогать некому, да и терять. Что работаешь охранником, мне Вера сказала. Только подъехала к ресторану, ты бьешь Х-ва и шофер вызывает милицию.

Меня от Ольгиного рассказа аж в жар бросило. Неужели ей приснился Сизов?

– Солдат не в выцветшей гимнастерке был, и фуражка выцветшая?

– Да! – вытаращила глаза Ольга.

– Если бы не знал твою фамилию, то подумал бы, что ты Сизова.

– А это как ты узнал? Я, действительно, по отцу Сизова, а Михайлова – материна фамилия.

Тут уж удивляться пришлось мне:

– Ты Сизова?..

– Да, а в чем дело, Андрюша? Скажи. Я ничего не понимаю.

– У красноармейца, что тебе приснился, фамилия – Сизов, и это его убил и похоронил в Жердяевке Полупанов, в доме Балаевых, в подполе рядом с сундуком. На листке, мне дал его Сергеев, было написано: «Красноармейцу Сизову, что помогал вырыть яму для сундука, я приказал охранять золото и закопал его рядом с сундуком».

– Боже мой! – Ольга прижала к щекам ладони. – Я помню, дедушка рассказывал, что его отец служил в ВЧК и без вести пропал где-то на Лене. Подожди, но откуда ты знаешь, что именно он приснился мне?

– Он мне тоже приснился и все пытался что-то сказать, даже показал обвалившийся подпол. И снится он мне только у тебя, наверное, думает, раз я сплю в твоей кровати, значит, мы муж и жена. То есть я его родственник.

– Разве такое бывает? Нам снится человек, которого мы даже не видели.

– Выходит, бывает. А почему сменила фамилию?

– В детстве мы все максималисты. Когда родители разошлись и отец женился на другой, я его возненавидела и решила, раз он такой-сякой, фамилию его носить не буду. И при получении паспорта взяла фамилию мамы.

Мы снова выпили вина, и у меня проснулся аппетит, Ольга принесла ветчину, хлеб. И глядя, как я с удовольствием все поглощаю, неожиданно предложила:

– А если нам взять и уехать? Навсегда! Не будут же они искать тебя по всей России. Можем к маме, она в Омске, давно зовет.

– Искать не будут, но они узнали, где живут сестра и мама, и угрожают им. Так что ехать мне надо, в этом сомнений нет.

– И ты будешь вот так ни за что стрелять в людей? Пусть даже они бандиты? Хотя еще надо доказать, кто они. Ты ведь точно не знаешь?

– Не знаю.

– А стрелять будешь?

Ну что я мог сказать?

– Я поеду, чтобы на месте разобраться в обстановке. А вот тебе не мешало бы взять отпуск и на время уехать.

– И быть в неведении, где ты, что с тобой? Только обрела тебя и вот. Лучше я поеду с тобой в Жердяевку.

Я разлил вино, отпил глоток и только потом отклонил ее предложение:

– Ты даже представить не можешь, что значит месяц прожить в тайге, в палатке.

– Я давно мечтала об этом. С милым и в шалаше рай, – она смущенно улыбнулась.

Мне было приятно ее смущение. В прошлые встречи мы никогда не говорили о наших чувствах друг к другу, мы просто занимались сексом. Мы были партнеры. И смущение Ольги – это поворот, начало нормальных человеческих отношений между любящими людьми.

Мне удалось убедить Ольгу, что в тайге ей не место. Мы просидели допоздна, вспоминали родителей, детство. Больше спрашивала Ольга, а я выступал в роли рассказчика.

А ночью снова приснился красноармеец Сизов, мы шли с ним по улице Жердяевки – она заросла, но еще хорошо угадывалась. Миновали сельсовет, вернее, стелу – она стояла на площади перед сельсоветом. Я даже успел заметить – верхние ряды мартиролога занимала фамилия «Балаев». В годы войны погибло девятнадцать жердяевцев, из них одиннадцать Балаевых. Затем мы прошли то, что осталось от «хлебо-обувного» магазина, а остался тротуар длиною метров двадцать, единственное бетонное покрытие в деревне, сделанное из списанного цемента, неизвестно для чего привезенного в Жердяевку и пролежавшего много лет. После магазина я не находил ни одной зацепки, подсказки и, когда Сизов подвел меня к зарослям лебеды и кустарника, сквозь которые проглядывал полуобвалившийся провал, я не мог определить его местонахождение. Я подошел поближе к подполу и осторожно ступил на верхнюю перекладину лестницы, проверяя ее на прочность… И вдруг дикий, животный страх обуял меня, и в то же самое мгновение Сизов цепко, до боли, схватил меня за руку и отбросил в сторону. Я сильно ударился локтем и проснулся… Но что-то холодное успело прикоснуться к ноге…

Рука болела в двух местах – локоть и плечо, видимо, Сизов при жизни был сильным человеком. Потрогал локоть – ссадина.

Больше Сизов в эту ночь не снился.

Утром, целуя меня в плечо, Ольга удивленно спросила:

– Откуда у тебя синяки? Вечером их не было. И вроде как кровь, – она потерла засохшее пятно на простыне. – Откуда?

Я показал локоть.

– Что-то я не слышала, чтоб ты ночью вставал. Обычно я чутко сплю. Обо что мог ударьтесь?

Я знал, откуда ссадины и синяки, но не желал в это верить. Да в это не поверил бы любой, окажись на моем месте.

– Андрюша, ты почему молчишь? – Ольга вопросительно и тревожно глядела на меня.

Наконец-то кому-то есть дело до меня. И я не стал скрывать, Ольга теперь была для меня тем человеком, которому можно сказать все, без утайки:

– Во сне бродил с Сизовым по Жердевке, только подошли к подполью, обвалившемуся, засыпанному землей, как снизу повеяло таким холодом, что меня обуял ужас. Вот тут Сизов схватил меня за плечо и отбросил в сторону. Падая, я разбил локоть. Но ко мне все же прикоснулось что-то холодное, вот сюда, – я откинул одеяло, чтобы показать место прикосновения, и не поверил глазам, чуть повыше щиколотки ногу обвивала коричневатая полоска, какая обычно бывает при ожоге.

– Е-мое! – невольно вырвалось у меня.

Это было первое наше с ней утро, когда мы не занялись сексом, а говорили и говорили, пытаясь понять, что же со мной случилось на самом деле и возможно ли такое...

Я всегда говорю – «занялись сексом». «Занялись любовью» – это принижение любви, свержение ее с той недостижимой высоты, которую она занимает, отождествление с простой физиологической потребностью. Получается, как в анекдоте: «Ваня, ты меня любишь?» – «А я что делаю?»

За завтраком – овсянка, крепкий кофе – мы снова вернулись к моим ночных приключениям. Ни Ольга, ни я никогда не увлекались книгами по черной, белой магии – и вообще мистикой, но отрицать мое короткое пребывание в ирреальном мире не стали, а задумались о последствиях. И договорились до того... Ольга вдруг вытаращила глаза и шепотом спросила:

– А Оно не могло попасть в наш мир вместе с тобой? Оно успело схватить тебя за ногу, а ты, возвращаясь, на секунду, на миг открыл окно, брешь, не знаю, как правильней сказать, и притащил Оно с собой.

– Если это так, то мы вскоре об этом узнаем, – я был удивлен совпадению мыслей, я тоже подумывал, а не проникло ли вместе со мной нечто ужасное в наш реальный мир.

– Все, этой ночью я не дам тебе уснуть.

– Я буду только рад, – ухмыльнулся я, хотя было совсем не до смеха.

– Да ну тебя. Будь серьезным, – Ольга глянула на часы. – Все, пора собираться на службу. Ты не мог бы меня сегодня встретить? А то один козел достал, сил нет терпеть. Козлов из администрации Х-ва, его левая рука или нога, или что другое.

– Может, ему внушение сделать? – я постучал кулаком по ладони.

– Что ты, он какой-то чемпион. Черный пояс и все такое. Ходит, как павлин. Конечно, я сама виновата. Ты не стал приходить, вот я и попыталась найти замену. Переспала с Козловым и сказала, что больше встречаться не желаю. Он страшно обиделся, мол, я его использовала как фаллоимитатор и теперь у меня нет другого выхода, как трахаться с ним, или он меня убьет. Я, конечно, соврала, сказала – замужем. Но ему на это наплевать. Раз задержалась на работе, чуть не изнасиловал. Хорошо, охранники были недалеко.

– Я тебя обязательно встречу.

– Чем будешь заниматься без меня?

– Вымою посуду и пойду по магазинам, надо купить кой-какого товару.

Я вымыл посуду, посмотрел по телевизору новости и уж потом двинул в магазин. Но не дошел. Проезжающий джип вдруг резко тормознул, тут же «жигуленок» ткнулся ему в зад, послышался звон разбитых фар. Крепкий на вид водитель «жигуленка» с матом начал вылезать из машины, но тут же юркнул обратно. От джипа в мою сторону шел человек-нос, которого я ловко обул, уйдя через заднюю дверь почты. И с ним три амбала. Видимо, все это время они искали меня.

Я рассказываю медленно, а в действительности все происходило быстро, я даже не догадался убежать. Правда, потом, вспоминая, так и не мог решить – не догадался или меня удержала на месте какая-то сила. Потому что я должен был убежать, справиться с двумя, если, конечно, повезет, еще можно, но с четырьмя кашками, причем один с битой – дохлый номер.

Первый без всякого базара замахнулся битой, но опустить ее мне на голову не успел, я ударил его в лицо, и он по-киношному пролетел несколько метров и рухнул у джипа. А я, не ожидая, пока он закончит полет, схватил второго, поднял над собой и опять по-киношному – других слов не нахожу – бросил на «жигуленок». Третьему, выхватившему нож, я легко, словно делал это много раз, сломал руку, и он, поддерживая ее другой рукой, орал благим матом. Четвертый кинулся бежать, но я пустил вслед биту и угодил точно в ноги, тот упал и с диким криком корчился на асфальте.

Начал собираться народ, и я поспешил удалиться, однако успел заметить, как шофер «жигуленка» вылез из машины, поднял руки и подмигнул, может, это у него было нервное. Ударом правой я отправил его в нокаут.

Уже петляя между домами, подумал, зачем я его ударил, и не нашел ответа, как не нашел его и на другой вопрос. Откуда у меня взялась такая сила? Конечно, я владел некоторыми приемами рукопашного боя, да и Костя кое-чему научил, и так просто меня было не взять, но чтоб такое... В одном из дворов я увидел лежащую сваю и, ухватившись за арматуру, легко поднял ее. Тут уж отпали последние сомнения. Оно, коснувшись меня, наделило частью своей силы, и хорошо это было или плохо, мне еще придется узнать. Но настроение испортилось сразу.

В узком переулке между домами – где, спрашивается, была пожарная инспекция? – встретилась группа парней. Я уложил их всех, хотя они и не думали зadirаться, а я мгновение назад не собирался на них нападать.

В своем подъезде я чуть не двинул по зубам соседа, хотя он только спросил, где я пропадаю.

И я решил из квартиры никуда не выходить, моя агрессивность пугала. Была она пассивной, мне не хотелось куда-то бежать, кого-то бить. Но надо было все же себя чем-нибудь занять, отвлечься.

Начал с поливки цветов, мама в каждом письме спрашивает, как там чувствуют себя амариллис, хойя, цикламен. Кроме этих цветов, у нас еще есть доброе утро, невеста, фиалки, begonias, ну и, конечно, герань. Мама оставила мне инструкцию по поливке, которой я строго придерживаюсь, так цикламену нужно периодическое круговое опрыскивание воздуха, а хойе нужно опрыскивание уже самих листьев, кроме периода цветения. А цветет она такими восковидными, словно искусственными небольшими звездочками и вечерами наполняет комнату удивительным ароматом. Цветы долго не опадают, и все это время мы словно находимся в южном экзотическом саду. А вот амариллису, соседка называет его гиппеаструмом, полив увеличивают лишь с появлением цветочной стрелки, которая быстро достигает тридцатисантиметровой высоты и распускается четырьмя похожими на саранки цветами, жизнь которых продолжается недолго. Еще мне нравится begonias, ее тонкие свисающие стебли украшаются в период цветения нежными, неземными цветами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.